

Костина Ирина Борисовна, Костин Александр Борисович

ИМЯ АВТОРА, ИСТОРИЧНОСТЬ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ М. ФУКО

В статье представлен анализ введенной М. Фуко функции-автора по отношению к дискурсивным практикам и феномену историчности. Функция-автор рассматривается как своеобразная спецификация субъекта, сопряженная с возможностью риска и институционализацией забвения. Эта функция имеет историческую детерминацию и обеспечивает способ взаимодействия дискурсов в конкретной культуре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 107-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

UNSCRUPULOUS DEBTOR'S LIABILITY DURING LEGAL ENTITY ALTERNATIVE LIQUIDATION

Kondratkova Nadezhda Viktorovna, Ph. D. in Economics
Novosibirsk State University of Economics and Management
Kondratkova_N@mail.ru

The author considers the methods of the alternative liquidation of the legal entity and the risks associated with it: bringing the unscrupulous debtor to civil-legal, administrative or criminal liability; gives the estimation of the mechanisms effectiveness of protecting creditors' rights during the alternative liquidation, provided by the current legislation; and suggests some recommendations for their improvement.

Key words and phrases: alternative liquidation of legal entity; violation of creditors' rights; civil-legal, administrative and criminal liability.

УДК 130.2

Философские науки

В статье представлен анализ введенной М. Фуко функции-автора по отношению к дискурсивным практикам и феномену историчности. Функция-автор рассматривается как своеобразная спецификация субъекта, сопряженная с возможностью риска и институционализацией забвения. Эта функция имеет историческую детерминацию и обеспечивает способ взаимодействия дискурсов в конкретной культуре.

Ключевые слова и фразы: историчность; дискурс; дискурсивная практика; функция-автор; «разрыв»; пространство знания; забвение.

Костина Ирина Борисовна, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный педагогический университет
kib999@inbox.ru

Костин Александр Борисович, к. филос. н.
Военный учебно-научный центр ВВС ВВА им. профессора Н. И. Жуковского и Ю. А. Гагарина
kostin@comch.ru

**ИМЯ АВТОРА, ИСТОРИЧНОСТЬ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ М. ФУКО[©]**

Оригинальную концепцию европейской культуры и истории выдвинул М. Фуко, положивший в основу своего исследования идею археологии знания. По его мнению, классическая философия субъекта не способна отвечать на вызовы современности [2, с. 7], поскольку онтология субъекта всецело детерминирована онтологией языка. Вслед за Хайдеггером Фуко выступил с критикой идущего от Августина принципа историзма. В работе «Слова и вещи» (1966 г.) он радикальным образом изменил акценты исторического исследования, пытаясь выявить не цели человеческого существования, а особенности некоторого фундаментального, архаического слоя знания, определяющего стиль мышления и конкретные формы науки в ту или иную эпоху. Этот глубинный уровень, согласно Фуко, содержит «фундаментальные коды культуры», называемые эпистемами, которые, существуя в неявной форме, детерминируют познавательный процесс и нуждаются в рационализации.

Эпистема, по мнению Фуко, коррелирует с понятиями «историческое априори», «пространство знания», «порядок», «эпистемологическая диспозиция» и др. и является важнейшей характеристикой историчности конкретной эпохи. Так, в эпоху Возрождения преобладала эпистема сходства и подобия, благодаря которой язык науки был ориентирован на описание природных вещей. В эпоху классицизма возникает эпистема представленности, под влиянием которой язык становится «великой автономной системой знаков» и практически совпадает с существующим знанием и формами мышления. В неклассический период, согласно Фуко, язык становится строгой формальной системой, вмещающей в себя наряду с грамматическими правилами и оборотами речи традиции, обычаи, привычки, склад мышления и т.п. факторы, которые ранее были определены Гегелем как «дух народа». Данные особенности конкретизируют феномен историчности, который характеризует каждую культурную эпоху посредством используемых в течение ее времени языковых практик. Язык как бы замыкается на самом себе и обретает собственную историю, в ходе которой неконцептуализированное содержание языка принимает формы, соответствующие условиям его применения. По мнению Ю. Д. Артамоновой, «эпоха истории... приходит на место классической эпохи – эпохи “всеобщей представленности”» [1, с. 175].

Фуко рассматривает историчность в качестве особого «пространства знания», уникального и неповторимого для каждой культурной эпохи, отличительными особенностями которой выступают доминирующие дискурсивные практики. В работах позднего Фуко понятие дискурса занимает центральное место, вытесняя эпистему своим более весомым смысловым содержанием. Под дискурсом обычно имеют в виду:

создаваемую посредством текста картину реальности; большую смысловую структуру, имеющую тематическое ядро; репрезентацию властных отношений и идеологических установок, которые определяют некоторую программу действий; коммуникативно-знаковую систему в единстве ее интенции (программной установки), актуализации (воплощения) и контекста [3, с. 6].

Как отмечает Е. А. Кротков, дискурс – это речемыслительная деятельность, регламентируемая социокультурными кодами (правилами, традициями, ценностями) определенной общественной практики, посредством которой люди производят и транслируют знания и модели социального опыта. Дискурс выступает особым языковым феноменом, как бы «сотканным» из языка, но если использование языка регламентируется преимущественно грамматическими правилами, то использование дискурса учитывает особенности социальных статусов и целевых установок участников коммуникации. Благодаря дискурсу в динамике языка высвечиваются трудно опознаваемые отношения между сознанием и поведением, мышлением и материальным миром.

Будучи знаковым образованием, некоторой последовательностью высказываний, дискурс представляет собой текст, созданный автором, но способный вести автономное существование без какой-либо явной связи со своим создателем. С другой стороны, тематическое ядро дискурса, его смысловая структура неизменно стимулируют целевую интенцию дискурса – то внутреннее усилие, идущее от субъекта (автора или читателя), благодаря которому дискурс включается в социальные отношения, становится событием и сопрягается с другими дискурсами. Таким образом, используемое Фуко понятие дискурса, с одной стороны, имеет объективную текстовую форму, существующую автономно по отношению к любым субъектам (в том числе и автору текста), но с другой стороны, обладает собственной смысловой структурой, созданной автором и определяющей характер связи элементов дискурса.

В работе «Что такое автор» (1969 г.) Фуко анализирует отношения между текстом и автором, рассматривая понятие автора в качестве особой функции, которая, с одной стороны, является спецификацией категории субъекта, а с другой стороны, находится в зависимости от условий функционирования дискурса в пространственно-временных рамках историчности конкретной культуры. Фуко отмечает, что «понятие автора конституирует важный момент индивидуализации в истории идей» [4, с. 12], и показывает далее, что единство автора и произведения представляет собой первичную фундаментальную форму знания, по сравнению с которой различные типы дискурсов являются вторичными, более слабыми расчленениями.

В попытке разобраться в условиях «функционирования специфических дискурсивных практик» Фуко стремится определить способ, согласно которому имя автора участвует во взаимодействии дискурсов. Первой особенностью, на которую обращает внимание французский мыслитель, выступает принцип безразличия к автору, определяемый формулой: «какая разница, кто говорит». По мнению Фуко, принцип безразличия является фундаментальным этическим принципом современного письма, который «господствует над ним как практикой» [Там же, с. 13]. Полемизируя с Р. Бартом, Фуко подчеркивает, что «современное письмо есть игра знаков, упорядоченная не столько своим означаемым содержанием, сколько самой природой означающего» [Там же].

В процессе написания текста внутренние правила языка коррелируют некоторым образом с правилами существования социального мира, и эта корреляция определяется типом дискурса и характером связи его элементов. В тексте разворачивается картина некоторого фрагмента реальности, схваченная или созданная автором, который формирует тематическое ядро и смысловую направленность текста. В особенностях авторского стиля выражается статус пишущего субъекта, уровень владения языком, причастность автора конкретной культуре и его отношение к социальным тенденциям. Фуко подчеркивает, что «речь идет не о припиливании некоего субъекта в языке, – вопрос стоит об открытии некоторого пространства, в котором пишущий субъект не перестает исчезать» [Там же, с. 13-14]. Автор как бы растворяется в тексте, приносит себя в жертву своему произведению. Сознательно и целенаправленно он стирает все следы и знаки своей индивидуальности, передавая–воплощая в произведении авторский взгляд на мир. Таким образом, понятие «означающего», с точки зрения Фуко, существует в тех отношениях между автором и его произведением, которые устанавливаются не только самим автором, но и местом автора в структуре социальных отношений, и местом произведения в действующих дискурсивных практиках.

Безусловно, произведение получает свое существование от автора, но теории произведения не существует. Есть только некоторые регулярности в отношениях между автором и текстом, которые Фуко и пытается выявить. Полемизируя со знаменитой статьей Р. Барта «Смерть автора» (1968 г.), Фуко предлагает собственное видение причин, по которым автор не может исчезнуть окончательно. Как известно, Барт на место фигуры Автора помещает фигуру Письма и задается вопросом, кому принадлежит фраза, которой Бальзак в рассказе «Сарразин» описывает кастрата, переодетого в женщину, – индивиду Бальзаку, автору Бальзаку, универсальной мудрости или психологии романтизма? И сам же отвечает на этот вопрос: «Никогда не будет возможности узнать это по той простой причине, что письмо есть деструкция всякого голоса, всякого происхождения. Письмо – это то нейтральное, то разнородное и уклончивое, куда убегает наш субъект, то бесцветное, где теряется всякая идентичность» [5, р. 61].

Фуко соглашается с Бартом в том, что в письме исчезают все индивидуальные характеристики пишущего субъекта, однако остается нечто такое, что позволяет автору всегда занимать привилегированное положение по отношению к своему произведению. Этим нечто является «сродство письма и смерти». Фуко приводит в пример арабские рассказы из «Тысячи и одной ночи», в которых основным мотивом повествования служило желание рассказчика «отодвинуть смерть, ... оттолкнуть этот срок платежа... Рассказ Шехерезады – это отчаянная изнанка убийства, это усилие всех этих ночей удержать смерть вне круга существования» [4, с. 14]. Идея внутренней связи произведения и смерти имеет, согласно Фуко, различные интерпретации в разных культурах. Так, в греческих преданиях «герой соглашался умереть молодым для того, чтобы его жизнь,

освященная таким образом и прославленная смертью, перешла в бессмертие; сказание было выкупом за эту принятую смерть». В современной культуре авторское отношение к смерти, составляющее сакральный смысл произведения, маскируется принципом безразличия к автору и выражается в его забвении. «Творение, задачей которого было приносить бессмертие, получило право убивать, быть убийцей своего автора» [Там же].

Фуко полагает, что тема забвения автора является неотъемлемой характеристикой дискурса, его институциональным свойством. «Акт установления, действительно, по самой своей сущности таков, что он не может не быть забытым. То, что его обнаруживает, то, что из него проистекает, – это одновременно и то, что устанавливает разрыв, и то, что его маскирует и скрывает» [Там же, с. 36]. Забвение автора, с точки зрения Фуко, связано с постоянным возвращением читателей к сакральному смыслу произведения, тщательно завуалированному социальным контекстом властных и собственнических отношений. Но прежде чем стать «продуктом, вещью, имуществом... дискурс размещался в биполярном поле священного и профанного, законного и незаконного, благоговейного и богохульного,... дискурс был жестом, сопряженным с риском» [Там же, с. 23]. И эта возможность риска, «преступления границ» является существенной характеристикой дискурса, проявляющейся в функции-автора.

Размышляя о том, что такое имя автора и как оно функционирует, Фуко выделяет два ключевых момента. Во-первых, имя автора, будучи именем собственным, связано с пишущим индивидом и его эпохой. Во-вторых, имя автора относится к произведениям, написанным данным индивидом, обеспечивает функцию классификации авторских текстов и в этом качестве является определенным элементом дискурса. Любой дискурс получает в культуре некоторый статус и соответствующий данному статусу способ функционирования. Имя автора позволяет группировать ряд текстов, приводить их в некоторое отношение между собой, в котором один текст является продолжением и разъяснением другого, хотя вместе они образуют некоторое концептуальное поле, в котором имени автора также отведено определенное место. Фуко отмечает, что «имя автора размещается не в плане гражданского состояния людей, равно, как и не в плане вымысла произведения, – оно размещается в разрыве, устанавливающем определенную группу дискурсов и ее особый способ бытия» [Там же, с. 22].

Участвуя во взаимодействии дискурсов, имя автора обретает функциональные признаки и становится функцией-автора. Эта функция, с одной стороны, характеризуется практикуемым автором способом обработки текстов, в котором черты общности и преемственности указывают на единство авторского стиля, определенную линию изложения материала, устойчивые обороты речи и т.п. С другой стороны, функция-автор продуцирует разрыв в социокультурной ткани сопряженных между собой дискурсов; она как бы «вырезает» некоторое число дискурсов, проблематизирует их, сталкивает между собой и создает, тем самым, событие культуры. Функция-автор открывает особое пространство смыслов, попадая в которое любой другой индивид имеет возможность поставить себя на место автора и увидеть мир с авторской точки зрения. Более того, сама функция-автор, по мнению Фуко, является многоместной, т.е. в ходе изложения материала автор может высказывать свои соображения с различных позиций.

Примером тому является авторское имя «Николя Бурбаки», относящееся к группе выдающихся французских математиков середины XX века, каждый из которых известен и под своим именем. В 1940-х годах под именем «Н. Бурбаки» начинает издаваться основной труд этого авторского коллектива «Элементы математики», в 1960-х годах под тем же именем выходит новая серия работ «Элементы истории математики». Как отмечают исследователи, идентичность группы «Н. Бурбаки» задавалась особым способом ее работы. Каждый раздел публикации готовился одним из членов группы, затем подвергался критике со стороны остальных участников. Дискуссии продолжались до тех пор, пока все члены группы не сходились во мнении, какие теоремы и аксиомы, в каком порядке следует включить и почему это является важным. Таким образом, одним из проявлений функции-автора Фуко считает множественность позиций, предполагающих различное место автора в структуре дискурса. Эти позиции не являются случайными, но зависят от типа дискурса и уровня его ценности в рамках конкретной культуры.

Фуко различает несколько типов дискурса и соответствующие им функции-автора: литературный дискурс, научный дискурс и дискурсивность в собственном смысле слова. Каждый тип дискурса имеет определенные особенности и специфичные правила функционирования в культуре. В случае литературных произведений, к которым функция-автор применима в полном объеме, речь идет о некотором постоянном уровне ценности авторских текстов и определенном числе сходств и аналогий, выступающих, если можно так выразиться, схемой-образом некоторой предметной области, выделенной и проработанной автором. В качестве примера Фуко приводит творчество Энн Редклиф, основавшей такой литературный жанр, как роман ужасов.

Отличительную особенность научного дискурса Фуко видит в том, что «акт основания некоторой научности всегда может быть заново введен внутрь той машинерии трансформаций, которые из него проистекают» [Там же, с. 34]. Иными словами, в научном познании схема, впервые разработанная автором (Галилеем или Ньютоном), постоянно трансформируется дальнейшими открытиями, становясь неотъемлемой составной частью данной области научного знания. Детерминируя возможности исследования, начальная схема постоянно соотносится с предметной областью науки и как бы «замыкается на себе» – сначала порождает некоторое концептуальное пространство, а затем становится его частным случаем. Происходит рекурсия, в ходе которой исходная схема не только концептуализирует реальность, но и сама подвергается предметной корректировке, изменяющей начальный статус схемы при каждом последующем вводе ее в модифицируемую научную теорию. Таким образом, в научном дискурсе актуальный статус основополагающей концептуализации определяется, прежде всего, теоретическим состоянием предметной области конкретного научного знания.

Что касается дискурсивности в собственном смысле слова, или, по выражению Фуко, – трансдискурсивной ситуации, к которой он относит наследие таких «учредителей дискурсивности», как Маркс и Фрейд, то они

сделали возможным не только какое-то число аналогий, но и некоторое число различий. «Они открыли пространство для чего-то отличного от себя и, тем не менее, принадлежащего тому, что они основали» [Там же, с. 32]. Речь, вероятно, идет об основополагающем ядре субъективности, о совокупности сказанного, определяющей такую область знания, которая может быть удостоена имени автора [2, с. 15].

Фуко считает, что субъект всегда находится в зависимости от дискурса, но именно субъект продуцирует разрыв – открывает пространство для переосмысления имеющихся текстов. Трансдискурсивная ситуация характеризуется институционализацией забвения и проистекающим из него «возвращением к истоку» – пробелу или пустоте, которые должны быть заполнены дискурсивной практикой, учитывающей многообразие субъективных позиций. Согласно Фуко, «основатели дискурсивности являются авторами не только своих произведений, своих книг. Они создали нечто большее: возможность и правило образования других текстов... Они установили некую бесконечную возможность дискурсов» [4, с. 31]. «Иначе говоря, в отличие от основания науки установление дискурсивности не составляет части последующих трансформаций, но остается по необходимости в стороне и над ними... Говоря очень схематично: не произведения этих учредителей располагаются по отношению к науке и в пространстве, которое она очерчивает, но как раз наоборот: наука и дискурсивность располагаются по отношению к их работам как к неким первичным координатам» [Там же, с. 34, 35].

Согласно Фуко, в текстах таких авторов, как Гомер, Платон, Аристотель, Отцы Церкви, Маркс, Фрейд, содержится небольшое число высказываний, за которыми можно признать ценность основоположения. При этом любой субъект обладает возможностью выбора тех высказываний, которые будут иметь для него основополагающую ценность, и может рассматривать другие положения в качестве несущественных, «никогда не оценивая их при этом как ложные» [Там же, с. 34].

Завершая обзор представленного М. Фуко анализа функции-автора, необходимо отметить несколько ключевых моментов, на основании которых субъективность может быть рассмотрена как определенное олицетворение культуры. Прежде всего, попытка Фуко элиминировать субъекта из поля дискурсивности привела его к констатации функции-автора, которая выступает своеобразной спецификацией субъекта. По мнению Фуко, абсолютного субъекта не существует, но всегда следует уточнять, о каком субъекте идет речь – экономическом, политическом, социальном, субъекте дискурса, желания и т.п. Отличительным признаком субъекта дискурса выступает функция-автор, которая задается особой дискурсивной практикой и характеризуется историческими особенностями типа дискурса.

Второй момент связан с типологией дискурсов, которую Фуко считает производной от первичных и фундаментальных отношений между автором и его произведением. Функция-автор проявляется в том, что в непрерывном социокультурном поле дискурсов устанавливается разрыв, посредством которого открывается особое пространство смыслов – некое концептуальное поле, в пределах которого имплицитное содержание текста подвергается дальнейшим интерпретациям.

Третий момент касается опосредованных отношений между автором и его произведением, которые, согласно Фуко, имеют институционализированный характер и определяются, с одной стороны, местом автора в структуре социальных отношений, с другой стороны, местом произведения в действующих дискурсивных практиках. Наконец, в трансдискурсивной ситуации функция-автор экстраполируется не только на пространственно-временные параметры историчности конкретной культуры, но и предполагает также исторический анализ личности Автора, под влиянием которого оказалась не одна, а несколько культурных эпох.

Список литературы

1. **Артамонова Ю. Д.** Основные версии происхождения историзма // Эпистемология & Философия науки. 2010. № 3. С. 169-185.
2. **Колесников А. С.** Проблема субъективности в археологии знания М. Фуко // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 2. С. 7-17.
3. **Кротков Е. А.** Дискурсивная модель научной рациональности. Белгород, 2009. 164 с.
4. **Фуко М.** Что такое автор // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
5. **Barthes R.** La mort de L'auteur // Barthes R. Le Bruissement de la langue: Essais critiques IV. Paris: Éditions du Seuil, 1984. 412 p.

AUTHOR'S NAME, HISTORICITY AND DISCURSIVE PRACTICES IN M. FOUCAULT'S ARCHAEOLOGY OF KNOWLEDGE

Kostina Irina Borisovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State Pedagogical University
kib999@inbox.ru

Kostin Aleksandr Borisovich, Ph. D. in Philosophy
Military Scientific-Educational Centre of Air Force Academy named after Professor N. I. Zhukovskii and Yu. A. Gagarin
kostin@comch.ru

The authors present the analysis of author-function introduced by M. Foucault in relation to discursive practices, and historicity phenomenon, consider author-function as a kind of the subject's specification, associated with the possibility of risk and the institutionalization of oblivion, and tell that this function has a historical determination and provides the method of the interaction between discourses in a particular culture.

Key words and phrases: historicity; discourse; discursive practice; author-function; "gap"; space of knowledge; oblivion.